

ФОРМИРОВАНИЕ ОППОЗИЦИИ
СИНТАГМАТИКА – ПАРАДИГМАТИКА
В ГРАММАТИКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА XIX В.
КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ РУСИСТИКИ

ИННА СОЛОВЬЕВА

НИУ Высшая школа экономики
Департамент иностранных языков
Кафедра английского языка для гуманитарных дисциплин
М. Пионерская ул., д. 12
Москва, Россия
e-mail: isolovyova@hse.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4357-4664>
(получено 27.12.2017; принято 2.02.2018)

Abstract

**Syntagmatic vs paradigmatic dichotomy as the key factor
in the formation of Russian Studies in 19th century**

The well-established syntagmatic vs paradigmatic dichotomy marks the formation of linguistics and characterizes its paradigm at a specific stage in its history. In Russia, the period of 1820-s–1850-s was the time when the Russian Studies were established as a science and the prominent philologists Nikolai Grech, Alexander Vostokov, Ilya Davydov and Feodor Buslaev composed their benchmark grammars of the contemporary Russian language. The analysis of the way the syntagmatic vs paradigmatic dichotomy was shaped in their grammars might provide an important insight in terms of the development of Russian Studies as a scientific discipline.

Key words

Russian language studies history, Russian grammar, syntagmatic, paradigmatic, science studies.

Резюме

Представление о соотношении синтагматики и парадигматики является маркером становления лингвистического знания и оформления научной парадигмы конкретного этапа в истории науки о языке. В России XIX века этим периодом стали 20–50-е годы, когда появились грамматики современного русского языка таких видных филологов, как Н. И. Греч, А. Х. Востоков, И. И. Давыдов, Ф. И. Буслаев. Анализ формирования оппозиции „синтагматика – парадигматика” в их трудах поможет получить более полное представление о становлении русистики как научной дисциплины.

Ключевые слова

Синтагматика, парадигматика, история русистики, грамматика русского языка, науковедение.

Первая половина XIX века – это один из самых значительных и вместе с тем недостаточно изученных периодов истории русистики. Именно в это время были совершены крупнейшие научные открытия в области методов исследования языка, установлено и научно доказано родство индоевропейских языков, изучены и введены в научный обиход данные о многочисленных древних письменных и бесписьменных языках мира. В русской и мировой науке изменяются не только философские (Ф. В. Шеллинг, И. Кант, Г. В. Гегель) и научно-теоретические (Р. Раск, Ф. Бопп, Я. Grimm) представления о языке, но и состав филологических дисциплин и дидактика языка. Из преподавания постепенно уходит прежняя система тривиума, слабеет авторитет универсальной грамматики, под влиянием идей В. фон Гумбольдта и Г. В. Гегеля, сначала в Германии. В последствии в России складывается система классического гимназического образования, в которой национальный литературный язык встает в один ряд с классическими языками, а филологические предметы в целом встают в один ряд с другими гуманитарными и естественными науками.

В российской науке о языке в первой половине XIX века происходят решительные изменения: 1) разводится теоретическая и учебная грамматика; 2) в качестве предмета грамматического описания признается общенародная языковая практика, а не речь образцовых авторов; 3) отрицаются универсальные «логические» основы грамматики. Ставится проблема самостоятельности русской науки, что означает принципиально новый этап развития русистики –

осознание учеными и общественностью фундаментальных достижений отечественной науки в исследовании русского языка.

Возвращение к анализу и оценка достижений прошлого на каждом новом этапе развития науки как необходимое условие дальнейшего совершенствования любой отрасли знания обосновано в трудах по общему науковедению и в работах по истории отдельных наук. История лингвистической мысли в России, являясь объектом исследования как русистов, так и специалистов по общему языкознанию, освещалась с двух принципиально различных точек зрения. Труды по истории языкознания, написанные русистами, решают задачу обоснования собственной грамматической системы их авторов, включения ее в научную традицию (например, Виноградов, 1978). Для подобных исследований характерна ретроспективность и некоторая концептуальная априорность, естественная в трудах больших ученых. С другой стороны, исследования специалистов по общему языкознанию (Березин, 1979) объединяет стремление рассматривать русистику в контексте мировой лингвистики, поэтому акцент делается на единстве традиций, а не на специфике русского языкознания. И первый, и второй подход к истории русистики приводят к тому, что важные для своего времени авторы остаются вне фокуса внимания; грамматики же, по которым учились родному языку целые поколения, либо не рассматриваются вообще, либо упоминаются фрагментарно, в основном – в связи с магистральной концепцией исследования. Так, грамматика Ф.И. Буслаева традиционно описывается как веха в становлении сравнительно-исторического языкознания в России, без опоры на культурно-исторический контекст, в котором *Опыт исторической грамматики* выполнял, в первую очередь, функцию учебника по русскому языку.

Грамматисты, чьи работы рассматриваются в данной статье, за исключением Ф. И. Буслаева, остались в истории благодаря деятельности, не связанной непосредственно с изучением и описанием грамматики русского языка. Более того, не все из них имели филологическое образование, как, например, А. Х. Востоков; а Н. И. Греч, известный современному читателю как журналист и редактор, тоже не был профессиональным филологом в современном понимании: он окончил юнкерскую школу и прошел курс в Педагогическом университете вольнослушателем. И. И. Давыдов и Ф. И. Буслаев, в отличие от своих предшественников, получили филологическое образование в Московском университете, но в работах по истории русистики имя И. И. Давыдова либо не упоминается вовсе, либо связывается с его официальной деятельностью во главе Отделения русского языка Академии наук. Тем не менее именно грамматики данных авторов представляют научную парадигму русистики первой половины XIX века: они были созданы по государственному заказу и получили официальное признание, что означает профессиональную востребованность их составителей, а также острую актуальность подобных работ для данного периода. Например, за *Пространную русскую грамматику* (1827 год) Николай Иванович Греч был избран корреспондентом Петербургской академии наук. *Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная* (1831 год) была написана по поручению высочайше учрежденного Николаем I комитета. *Опыт общесравнительной грамматики русского языка,*

изданный Вторым отделением Императорской академии наук (1852 год) Ивана Ивановича Давыдова выполнял задачу по унификации грамматического описания и подведению итогов в достижениях русистики, поставленную Отделением русского языка и словесности Академии наук. *Опыт исторической грамматики русского языка* (1858 год) Федора Ивановича Буслаева вышел по заказу Государственного управления высшими военными учебными заведениями. В связи с этим главная цель данной статьи видится в том, чтобы заполнить лауну в истории русистики, проанализировав и сопоставив лингвистические концепции А. Х. Востокова, Н. И. Греча, И. И. Давыдова, Ф. И. Буслаева, воплощенные в их грамматических описаниях русского языка.

В исследуемый период развития русистики устанавливается характерная для мировоззрения русиста парадигма научных методов и идей, которая в дальнейшем приводит к блистательным успехам науки о русском языке в классический период развития не только русистики, но лингвистики в целом. Одним из ключевых концептов науки о языке является представление о синтагматике и парадигматике, поэтому данная работа посвящена анализу реализации этой дихотомии в лингвистических концепциях указанных ученых на материале их грамматик русского языка.

Представление о соотношении синтагматики и парадигматики является краеугольным для лингвистики и присутствует в имплицитной форме в грамматических описаниях с античных времен. Только в начале XX века в *Курсе общей лингвистики* Фердинанд де Соссюр выделяет два типа базовых отношений, соответствующих разным формам умственной деятельности человека (членению целого на части и группировке элементов языка на основе их ассоциативного сходства) и проявляющихся в двух разных сферах языка: непосредственно наблюдаемой и непосредственно ненаблюдаемой. Первый тип отношений, синтагматический, реализуется, когда „...слова в речи, соединяясь друг с другом, вступают между собою в отношения, основанные на линейном характере языка, который исключает возможность произнесения этих двух элементов одновременно” (де Соссюр, 1977, с. 155). Вторые Ф. де Соссюр назвал ассоциативными, а позже Л. Ельмслев в *Прологоменах к теории языка* предложил термин „парадигматические”, который закрепился в лингвистической терминологии. Парадигматические отношения представляют собой „...соотношения между элементами языка, объединяемыми в сознании или памяти говорящего некими ассоциациями; они связывают эти элементы в силу общности либо их формы (напр., акустич. образов), либо содержания, либо на основе сходства того и другого одновременно” (*Лингвистический энциклопедический словарь*, 2009).

Для представления о формировании дихотомии „синтагматика – парадигматика” в лингвистических концепциях ведущих русистов первой половины XIX века в данной статье мы фокусируемся на анализе следующих аспектов: структура грамматик, принципы выделения языковых единиц, представление о морфологическом составе слова, классификация частей речи и синтаксические концепции.

При сопоставлении грамматик Н. И. Греча, А. Х. Востокова, И. И. Давыдова и Ф. И. Буслаева было установлено, что их внешняя структура во многом

совпадает. Первая часть, *Этимология*, посвящена основным языковым единицам, способам словообразования и характеристике частей речи – их значениям и категориям, то есть освещается парадигматический аспект системы языка. Второй раздел – *Синтаксис*, или *Словосочинение* – фокусируется на синтагматике: типах связи слов, анализе состава простых и сложных предложений, а также периодов. Этой последовательности изложения придерживаются все грамматисты, за исключением Ф. И. Буслаева, который считал базовой единицей языка предложение как выражение мысли и шел от рассмотрения состава и видов предложений к описанию конкретных частей речи с точки зрения их функционирования в составе предложения, то есть от синтагматики к парадигматике. Для грамматической концепции И. И. Давыдова видение предложения как базовой лингвистической единицы также было центральным, однако он сохранил традиционную последовательность от *Этимологии* к *Синтаксису*. Причина, вероятно, в том, что труд председателя Второго отделения Академии наук был итоговым, суммирующим достижения русистики, в то время как *Опыт* Ф. И. Буслаева задумывался как полемическое сочинение и противопоставлялся традиции грамматического описания.

Принципы выделения языковых единиц ведущими грамматистами первой половины XIX века позволяют сделать следующие выводы относительно формирования дихотомии „синтагматика – парадигматика” в русистике данного периода. Хотя в анализируемых сочинениях номенклатура единиц языка во многом совпадает (звук, буква, слог, морфема – без термина, слово, предложение и период), грамматисты старшего поколения Н. И. Греч и А. Х. Востоков на первый план выводят задачу наиболее подробно описать языковые единицы изолированно, концентрируясь на парадигматическом аспекте, чему служат пространственные примеры словоизменения и словообразования. Перегруженность грамматик парадигмами стала поводом для критики у современников, которые считали, что спрягать и склонять носители языка умеют „по навыку”. Синтагматика у Греча и Востокова выступает на первый план при переходе к новому уровню языка: от звука к слогу, от слога к слову, от слова к предложению, реализуя лингвистическую установку на грамматику как синтез. В отличие от них, для русистов следующего поколения Давыдова и Буслаева приоритетным становится синтагматический аспект системы языка. Во второй половине рассматриваемого периода доминирует представление о языке как организме, „препарируемом” учеными; следовательно, грамматика – это анализ, которому подлежит базовая единица – предложение, в наибольшей степени соответствующая главному назначению языка – выразить мысль. Таким образом, набор базовых языковых единиц на протяжении первой половины XIX века не изменился, однако поменялось их взаимоотношение и принципы выделения, основывающиеся на концепции грамматиста: от грамматики как комбинаторики к грамматике как к анализу.

Изучение представлений русистов первой половины XIX века о составе слова позволяет сделать вывод о том, что формирование дихотомии „синтагматика – парадигматика” в морфологии происходило за счет разделения морфем на словообразовательные и словоизменяемые. Греч выделяет в составе слова

главные и придаточные „корни” (первые „...изображают предмет, существо, его свойство и качества; последние же служат к выражению отношений предметов и качеств между собою”), и окончания, противопоставленные „корням” (флексии) как выражающие отношения предметов, то есть функциональность флексий лежит в сфере синтагматики, а корней и аффиксов – парадигматики (Греч, 1827, с. 90). В грамматике Востокова получает развитие представление о флексии как, с одной стороны, различающей „разряды слов” (частей речи), с другой – служащей „удобству произношения”, что дополняет представление о балансе синтагматики и парадигматики в морфологии данного периода (Востоков, 1831, с. 6). В грамматике Давыдова, вероятно, в силу влияния теории Беккера о языке как организме, в центре внимания находятся парадигматические отношения в морфологии, а именно модификация изначального значения корня при словообразовании и словоизменении. Несомненным прорывом в морфологии можно считать разграничение словообразования и словоизменения в грамматике Буслаева благодаря введению терминов „суффикс” и „флексия” вместо общего „окончания”. Суффиксы являются формальной основой для соотнесения слова с разрядом аналогичных, то есть выражением парадигматических отношений, а флексии понимаются в синтагматическом ключе, как меняющиеся при склонении и спряжении элементы при употреблении слова в речи при сочетании с другими словами.

Разграничение частей речи на знаменательные и служебные позволяет судить о представлениях грамматистов первой половины XIX века о синтагматике и парадигматике. При выделении частей речи грамматисты опираются на традицию грамматического описания, в большинстве случаев сохраняя перечень, так что важны не столько сами рубрики, сколько их содержание, принципы выделения частей речи и определение категорий, поскольку именно в них отражается специфика лингвистических представлений грамматистов. И в труде Греча, и Востокова границы между частями речи подвижны. Например, наречие, требующее существительного в определенном падеже, становится предлогом, а предлог, употребляемый без дополнения, переходит в разряд наречий; если наречие служит для связи двух предложений, оно становится союзом. Следовательно, при разделении частей речи на знаменательные и служебные ключевую роль играл синтагматический аспект. Дальнейшее развитие эта тенденция получает в трудах И. И. Давыдова и Ф. И. Буслаева, для которых предложение является базовой единицей языка, а частеречная принадлежность слов определяется исходя из их синтаксической функции. Утверждая, что язык есть „духовное воссоздание” окружающей человека действительности, в которой противопоставлены действие и бытие, Давыдов выводит классификацию частей речи из глагола и имени. Как Давыдов, так и Буслаев делят части речи на служебные и знаменательные в зависимости от того, выражает ли часть речи понятие или „отношения понятий”. Для понимания становления дихотомии „синтагматика – парадигматика” важно утверждение Буслаева в связи с систематизацией частей речи: „...слова знаменательные исчисляются в словаре; служебные, ограниченные числом – в грамматике” (Буслаев, 1858, с. 45). То есть представление о двух

типах отношений единиц языка становится таким четким, что предлагаются разные источники их систематизации.

Синтаксические концепции, реализованные в грамматиках русского языка первой половины XIX века, отражают преодоление влияния логики, когда суждение выступало в роли мыслительной модели, на основании которой формируется высказывание. Влияние логики особенно заметно в синтаксической концепции Греча, который реализует представление о трехчленном составе предложения, сформировавшегося при наложении структуры суждения, в результате чего выделяет подлежащее, сказуемое и связку. Более того, Греч предлагает теорию „слитных” глаголов, образованных путем слияния „самостоятельных” глаголов типа *быть* с причастиями, которая призвана поддержать трехчленную структуру предложения и объяснить тот факт, что в русском языке формальная связка обычно отсутствует. Но уже в труде Востокова дается двухчастный состав основы предложения: подлежащее („...имя предмета, о котором говорится”) соединяется со сказуемым („...все то, что об этом предмете говорится” (Востоков, 1831, с. 222)).

Трансформация дихотомии „синтагматика – парадигматика” в лингвистических концепциях первой половины XIX века воплотилась в представлении о „мысли”, то есть предикативности (без термина). Предикативность, или „... ключевой конституирующий признак предложения, относящий информацию к действительности и тем самым формирующий единицу, предназначенную для сообщения...” (*Лингвистический энциклопедический словарь*, 2009), Греч и Востоков видят как результат соединения подлежащего и сказуемого, в то время как Давыдов и Буслаев считают ее изначально присущей предложению. Таким образом, учение о предложении становится точкой пересечения синтагматики и парадигматики, где решается вопрос о приоритете одной из них при соединении слов в словосочетания, предложения и периоды. У Давыдова и Буслаева синтаксису отводится ключевая роль, подчеркивается его приоритет по отношению к *Этимологии*, так как значение и грамматические характеристики частей речи получают объяснения на основании их синтаксической роли.

В результате анализа структуры грамматик, принципов выделения языковых единиц, представлений о морфологическом составе слова, классификаций частей речи и синтаксических концепций, реализованных в грамматиках первой половины XIX века, можно сделать следующие выводы о формировании дихотомии „синтагматика – парадигматика” в русистике рассматриваемого периода. В основном сохраняя инвариант грамматического описания, русисты идут от рассмотрения параграмматических отношений к синтагматическим, так что переход на новый уровень языковой системы происходит при соединении единиц предшествующего уровня. Однако, преодолевая влияние логики на грамматику, авторы конца данного периода отказываются от представления о слове как базовой единице языка в пользу предложения, смещая фокус внимания с анализа парадигматических отношений на синтагматические. Приоритет синтаксиса и, следовательно, синтагматики в грамматиках Буслаева и Давыдова в конце рассматриваемого периода позволяет говорить о такой трансформации дихотомии „синтагматика – парадигматика”, где предикативность („мысль”) ви-

дится не как результат соединения слов в предложение, а изначально присущая высказыванию характеристика. Еще одним ключевым фактором формирования дихотомии „синтагматика – парадигматика” стало разделение морфем на словообразовательные и словоизменительные с появлением соответствующей терминологии („суффикс”, „флексия”). Разведение синтагматики и парадигматики к середине XIX века получает также формальное выражение как основа для разделения частей речи на знаменательные и служебные. Итак, в середине XIX века в русистике дихотомия „синтагматика – парадигматика” не только сформировалась, но и трансформировалась, сбалансировав оба аспекта описания языковой системы.

Библиография

- Березин, Ф. М. (1979). *История русского языкознания: учебное пособие для филологических специальностей*. Москва: Высшая школа.
- Буслаев, Ф. И. (1858). *Опыт исторической грамматики русского языка*. Москва.
- Виноградов, В. В. (1978). *История русских лингвистических учений*. Москва: Высшая школа.
- Востоков, А. Х. (1831). *Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная*. Санкт-Петербург: Тип. И. Глазунова.
- Греч, Н. И. (1827). *Пространная русская грамматика*. Т. 1. Санкт-Петербург.
- Греч, Н. И. (1834). *Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем*. Санкт-Петербург.
- Давыдов, И. И. (1852). *Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный Вторым отделением Императорской академии наук*. Санкт-Петербург.
- Лингвистический энциклопедический словарь*. Online: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru> (4.03.2018).
- Соссюр де, Ф. (1977). *Труды по языкознанию*. Пер. с фр. Москва: Прогресс.